

УДК 347.61

**СОДЕРЖАНИЕ БРАЧНОГО ДОГОВОРА:
ПРИЕМЫ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ДОГОВОРНЫХ
УСЛОВИЙ**

Ю.С. Поваров

Самарский государственный университет

Выявляются и детально раскрываются основные приемы ограничения свободы содержания брачного договора. Особое внимание уделяется законодательным запретам при определении условий брачного договора.

Ключевые слова: *брачный договор, содержание договора, дозволение, запрет.*

Отечественное семейное законодательство избрало достаточно сложную (развернутую) технологию непосредственной регламентации требований к содержанию брачного договора (в частности, сочетающую использование норм как дозволительной, так и запретительной направленности), ограничивая тем самым его свободу¹.

Первым шагом к очерчиванию содержательных рамок брачного договора становится его законодательная **дефиниция**, из которой («брачным договором признается соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения», – ст. 40 СК РФ) в числе прочего очевидно вытекает *имущественный характер отношений*, которые могут быть подвергнуты индивидуальному инициативному регулированию (в последующем – в п/ 1, 3 ст. 42 СК РФ – законодатель вновь возвращается к этому тезису²).

Следующим значимым механизмом определения содержания брачного соглашения становится фиксация набора возможных договорных условий (см. п. 1, 2 ст. 42 СК РФ). Законодатель **дозволяет**, прежде всего, изменить брачным договором введенный законом режим совместной собственности, установить режим совместной, долевой или раздельной собственности на все имущество супругов, на его отдельные виды или на имущество каждого из супругов (при этом имеется в виду и уже имеющееся, и будущее имущество супругов). Постановка обозначенных положений на первое место фокусирует «основную цель брачного договора ... желание сторон изменить законный режим имущества супругов...»³.

¹ Ограничение права на содержание брачного договора небезосновательно квалифицируется в доктрине в качестве особой меры ограничения супружеских прав (см.: Беспалов Ю.Ф. Семейно-правовая ответственность и ограничение семейных прав // Журнал российского права. 2014. № 2).

² Такое смысловое «дублирование», способствующее однозначному толкованию воли законодателя, не кажется нерациональным.

³ Альбиков И.Р. Брачный договор как источник правового регулирования имущественных отношений супругов в современном обществе // Нотариус. 2011. № 6.

Супруги также вправе определить в брачном договоре свои права и обязанности по взаимному содержанию, способы участия в доходах друг друга, порядок несения каждым из них семейных расходов; определить имущество, которое будет передано каждому из супругов в случае расторжения брака, а равно включить в брачный договор *любые* иные *положения, касающиеся имущественных отношений супругов* (например, о порядке совершения супругами сделок⁴).

Таким образом, дозволительный нормативный сегмент: а) четко настраивает на согласование сторонами брачного договора условий исключительно *имущественного* порядка (тем самым по обоснованному утверждению Е.Л. Невзгодиной, «законодатель, – рассматривает брачный договор как возможный регулятор лишь общегражданских, но не семейных отношений между супругами, оставляя функцию регулирования семейных отношений... закону»⁵); б) предлагает примерный (*неисчерпывающий*) перечень вопросов, разрешаемых договаривающимися сторонами⁶.

Из указанных предписаний, думается, вытекает вывод о максимально широких полномочиях сторон в части варьирования режимов собственности в отношении любого имущества, в том числе добрачного, ибо СК РФ, как мы видели, прямо оговаривает, во-первых, допустимость введения режима совместной, долевой или раздельной собственности и на имущество каждого из супругов, не делая замечаний по поводу времени и оснований его приобретения (напротив, ГК РФ в п. 1 ст. 256 декларирует возможность изменения режима совместной собственности только в отношении имущества, нажитого супругами во время брака⁷), во-вторых, санкционирует закрепление в договоре любых не предусмотренных законом положений, сопряженных с имущественной сферой. Вместе с тем суды (не прибегая к ссылкам на ГК РФ!) встали на позицию ограничительного толкования, посчитав, что «брачный договор распространяется только на режим совместной собственности супругов... и не распространяется на правоотношения, предусмотренные ст. 36 Семейного кодекса РФ в отношении собственности каждого из супругов», поэтому «имущество, приобретенное одним из супругов по основаниям, указанным в ст. 36 Семейного кодекса РФ, не является общей совместной собственностью супругов, режим которой может быть изменен ... путем заключения брачного договора»

⁴ См.: постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19 ноября 2008 г. № 17АП-8356/2008-ГК по делу № А50-8242/2008.

Здесь и далее судебные акты приводятся из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Невзгодина Е.Л. Брачный договор: проблемы правоприменения // *Цивилист*. 2012. № 4. С. 70.

⁶ В этом плане не вполне точным оказывается заключение И.Р. Альбикова о том, что «...Семейный кодекс РФ не содержит определенного перечня вопросов, которые могут быть урегулированы брачным договором...» (Альбиков И.Р. Основные положения брачного договора // *Семейное и жилищное право*. 2010. № 6. С. 28).

⁷ Это дает повод некоторым ученым сомневаться в законности обозначенного буквального следования положениям СК РФ (см.: Шершень Т.В. Роль основных начал семейного законодательства России в формировании условий брачного договора и определении его действительности // *Бюл. нотариальной практики*. 2009. № 5).

(определение Верховного суда РФ от 27 ноября 2003 г. № 45-Г03-27)⁸. Думается, что столь принципиальный вопрос, вызвавший неоднозначную оценку, требует четкого нормативного решения.

Ключевым приемом определения содержательных «границ» брачного договора становится установление законодателем целого ряда разноплановых **запретов**, ограничивающих свободу участников разбираемого соглашения в формулировании его условий (см. п. 3 ст. 42 СК РФ), – «ограничений, имеющих обязательный характер, по включению ... [в брачный договор] недопустимых условий» (постановление Президиума Белгородского областного суда от 30 августа 2012 г. № Г-44-49).

Во-первых, брачный договор не должен ограничивать право- или дееспособность супругов, а равно их право на обращение в суд за защитой своих прав. Речь, по сути, идет о невозможности какой-либо «децентрализованной» корректировки фундаментальных компонентов юридического статуса граждан (отражаемого в законодательстве прежде всего через правосубъектные характеристики) и отмены базовой возможности (безусловно признаваемой в правовом государстве) – права на защиту. Не случайно, что подобное ограничительное нормирование не является «уникальным» (свойственным только семейному законодательству): аналогичные положения содержит, например, гражданское и процессуальное законодательство (см. п. 3 ст. 22 ГК РФ, п. 2 ст. 3 ГПК РФ, п. 3 ст. 4 АПК РФ).

Во-вторых, запрещается регулировать личные неимущественные отношения между супругами, а также права и обязанности супругов (и имущественного, и неимущественного плана) в отношении детей. Данный запрет корреспондирует рассмотренному ранее положительному установлению о правомерности включения в брачный договор любых положений, затрагивающих именно имущественную сферу супругов. Выражая текущую позицию законодателя, поставившего «заслон» проникновению договорного элемента в область человеческих отношений, опосредуемых в первую очередь нравственными идеалами и устоями, исследуемый императив все же не кажется абсолютно незыблемым (хотя его гипотетическая корректировка⁹, как представляется, в силу специфичности соответствующих неимущественных отношений должна быть осторожной, когда отступления будут носить «локальный» характер). В литературе, кстати, все чаще высказываются пожелания относительно расширения договорной свободы и применительно к правам

⁸ Данная линия проводится судами весьма последовательно. См., например: постановления Седьмого арбитражного апелляционного суда от 17 августа 2012 г. по делу № А27-4365/2011 и от 29 июня 2011 г. по делу № А67-2757/2009; апелляционное определение Московского городского суда от 18 ноября 2013 г. по делу № 11-34629.

⁹ Вопреки встречающемуся в литературе мнению (см., например: Пчелинцева Л.М. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. М.: Изд-во «НОРМА», 2000. С. 14), не препятствует, как представляется, закреплению брачным договором обязанностей личного характера невозможность их принудительного осуществления на случай неисполнения: возможность принуждения к выполнению обязанности в натуре не является имманентным признаком обязанности, ее обеспеченность может выражаться и в иных негативных последствиях неисполнения.

и обязанностям неимущественного характера. В частности, Т.В. Шершень полагает «вполне логичным и не противоречащим основным началам семейного законодательства России расширение сферы договорного регулирования супружеских отношений путем включения в предмет брачного договора ... личных неимущественных отношений...»¹⁰. По словам И.П. Гришина и А.В. Мыскина, «в брачные договоры, все-таки могут быть включены некоторые условия с нематериальным содержанием...»¹¹. Также уместно заметить, что законодательство многих стран «не содержит запрета на регулирование личных неимущественных отношений в семье. Например, во Франции брачное соглашение может содержать положения, не связанные с имущественным статусом будущих супругов, а именно условие о признании внебрачного ребенка одним из супругов»¹².

В-третьих, брачным соглашением не могут быть предусмотрены положения, ограничивающие право нетрудоспособного нуждающегося супруга на получение содержания, что в полной мере согласуется с принципом обеспечения приоритетной защиты прав и интересов нетрудоспособных членов семьи (п. 3 ст. 1 СК РФ).

Наконец, в-четвертых, договор не может содержать другие условия, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение или противоречат основным началам семейного законодательства.

Последний запрет сформулирован максимально обобщенно, за что иногда подвергается критике в литературе. Конечно, использование оценочных категорий (в нашем случае - «крайне неблагоприятное положение») с неизбежностью предполагает известные интерпретационные трудности в правоприменении. Тем не менее полностью уйти от оценочных понятий при регулировании отношений явно немислимо (более того, это может быть и опасным). Конституционный суд РФ справедливо указывает, что «описательно-оценочная формулировка «условия договора, ставящие одного из супругов в крайне неблагоприятное положение» не свидетельствует о неопределенности содержания данной нормы: разнообразие обстоятельств, оказывающих влияние на имущественное положение супругов, делает невозможным установление их исчерпывающего перечня в законе. Использование федеральным законодателем в данном случае такой оценочной характеристики преследовало цель *эффективного применения нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций...*» (определение от 21 июня 2011 г. № 779-О-О). Сходные задачи решает и постулирование обязательности непротиворечия договорных условий основным началам семейного законодательства, в результате чего, как верно подчеркивает Н.Ф. Звенигородская, «усиливается действие публично-правовых механизмов»¹³.

¹⁰ Шершень Т.В. Роль основных начал семейного законодательства России в формировании условий брачного договора и определении его действительности // Бюл. нотар. практики. 2009. № 5.

¹¹ Гришин И.П., Мыскин А.В. К вопросу о регулировании личных неимущественных отношений в брачном договоре // Юрист. 2009. № 10.

¹² Альбинов И.Р. Основные положения брачного договора // Семейное и жилищное право. 2010. № 6. С. 27.

¹³ Звенигородская Н.Ф. Содержание семейно-правового договора: проблема свободы его формирования // Семейное и жилищное право. 2011. № 6. С. 10.

Априорная оценочность понятия крайне неблагоприятного положения немного «смягчается» (при восприятии оценочности как недостатка) регулированием последствий согласования соответствующего порочного договорного условия. Игнорирование изученных запретов приводит к недействительности (полностью или частично) брачного договора, однако, вид недействительности сделки – ничтожность либо оспоримость – оказывается различным в зависимости от характера нарушенного запрета. По общему правилу договорные условия, противоречащие требованиям п. 3 ст. 42 СК РФ, ничтожны; при включении же в договор положений, которые ставят супруга в крайне неблагоприятное положение, речь уже идет об *оспоримости* (т.н. относительной недействительности) сделки (п. 2 ст. 44 СК РФ), а значит, срок исковой давности является сокращенным (ст. 181 ГК РФ) и суд лишен возможности применить последствия недействительности сделки по собственной инициативе (см. п. 4 ст. 166 ГК РФ).

Одиозным примером договорного условия, ставящего одного из супругов в крайне неблагоприятное положение (а потому – «дефектного») и прямо озвученного высшей судебной инстанцией, является положение о *полном* лишении одного из супругов права собственности на имущество, нажитое супругами в период брака (см. п. 15 постановления Пленума Верховного суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака»). С учетом этого разъяснения активно формируется судебная практика; причем нередко производится *комплексная* оценка имущественного положения супругов и иных обстоятельств (источник приобретения имущества, сохранение права пользования жилым помещением и т.п.), что важно (и правильно) для вынесения справедливого «вердикта».

Так, по одному из дел суд констатировал, что «условия брачного договора о режиме совместного имущества ставят истца в крайне неблагоприятное положение, а именно последний полностью лишился права собственности на имущество, нажитое супругами в период брака. При этом суд принял во внимание, что денежные средства, полученные от продажи автомобиля... были потрачены на нужды семьи, иного недвижимого имущества не имеется, сведений о наличии денежных средств и открытых счетов на имя истца материалы дела не содержат...» (см. апелляционное определение Московского городского суда от 30 апреля 2013 г. по делу № 11-17943).

По другому казусу суд, отказывая в иске, беспричинно отметил, что «несоразмерность выделенного каждому из супругов имущества сама по себе не является основанием для признания договора недействительным».

Возможность отступления от равенства долей предусмотрена законом, и само по себе также не ставит истца в крайне неблагоприятное положение»; кроме того, суд принял в расчет то, что «при заключении... договора стороны исходили из совокупности совместно нажитого имущества, его функционального назначения, возможности использования в будущем, равно как и того обстоятельства, что ребенок оставлен проживать с отцом...», и что истица «...зарегистрирована в спорной квартире, ответчик не препятствует ей в пользовании и проживании...»

(апелляционное определение Самарского областного суда от 16 января 2013 г. № 33-365/2013)¹⁴.

Приведенную рубрику запретов нельзя признать абсолютно совершенной. Обсуждаемые запреты, сгруппированные законодателем в четыре блока, содержательно весьма разнообразны, имея при этом неодинаковую степень абстрактности. Это привело к «пересечению» запретов разных групп. Например, указание на недопустимость ограничения брачным договором права на обращение в суд за защитой прав в известной мере избыточно, ибо такая «договоренность» вступит в противоречие с одним из основных начал семейного законодательства (исходящего, в том числе, из возможности судебной защиты прав, принадлежащих членам семьи, – п. 1 ст. 1 СК РФ).

Список литературы

1. Альбикив И.Р. Брачный договор как источник правового регулирования имущественных отношений супругов в современном обществе // Нотариус. 2011. № 6.
2. Альбикив И.Р. Основные положения брачного договора // Семейное и жилищное право. 2010. № 6.
3. Беспалов Ю.Ф. Семейно-правовая ответственность и ограничение семейных прав // Журн. рос. права. 2014. № 2.
4. Гришин И.П., Мыскин А.В. К вопросу о регулировании личных неимущественных отношений в брачном договоре // Юрист. 2009. № 10.
5. Звенигородская Н.Ф. Содержание семейно-правового договора: проблема свободы его формирования // Семейное и жилищное право. 2011. № 6.
6. Невзгодина Е.Л. Брачный договор: проблемы правоприменения // Цивилист. 2012. № 4.
7. Пчелинцева Л.М. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. М.: Изд-во «НОРМА», 2000.
8. Шершень Т.В. Роль основных начал семейного законодательства России в формировании условий брачного договора и определении его действительности // Бюл. нотар. практ. 2009. № 5.

¹⁴ Другие примеры см.: кассационное определение Верховного суда Республики Татарстан от 16 января 2012 г. № 390/2012, определение Новосибирского областного суда от 10 марта 2011 г. № 33-1358/2011, кассационное определение Тюменского областного суда от 11 октября 2010 г. по делу № 33-4382/2010.

**TERMS OF MARRIAGE CONTRACT:
TECHNIQUES OF FREEDOM RESTRICTION OF CONTRACTUAL
CONDITIONS DEFINITION**

Yu.S. Povarov

Samara State University

The main techniques of freedom restriction of contractual conditions definition are determined and disclosed in details in the article. Special focus is on legislative prohibitions when the conditions of marriage contract are being determined.

Keywords: *marriage contract, maintenance contract, permit, prohibition.*

Об авторе:

ПОВАРОВ Юрий Сергеевич – канд. юр. наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Самарского государственного университета (443011, г. Самара, ул. Ак. Павлова, 1), e-mail: cl@ssu.samara.ru.